

**ЛИСТАЯ
НОВЫЕ
СТРАНИЦЫ**

РОССИЙСКИЙ ЧИНОВНИК НА РАБОТЕ И ДОМА

¹ Российский чиновник: социологический анализ жизненного мира государственных и муниципальных служащих / Под ред. Д.М. Рогозина. М.: ФГБУН Институт социологии РАН. 2015. 316 с.

² Исследование осуществлено в 2012–2013 годах в шести регионах страны в рамках государственного проектного задания “Мировоззрение государственных и муниципальных служащих Российской Федерации: профессиональная этика, политические воззрения, особенности взаимодействия с центральной властью и местным населением”.

³ Аутопойезис — философско-социологическое понятие, принятое для обозначения самовоспроизводства живых существ и образующих ими систем.

Проницательному читателю не составит особого труда догадаться, что название рецензии на предлагаемую книгу¹ восходит к классическому труду У. Томаса и Ф. Знанецкого “Польский крестьянин в Европе и Америке”. Причины для аналогии найти нетрудно — обе работы основаны на применении биографического метода. В обеих решается задача показать многообразие, многомерность жизненного пространства героев повествования. Для отечественной науки попытка представить жизненный мир государственного служащего на материалах обширного эмпирического исследования — новаторский шаг. Профессиональная деятельность государственного служащего была предметом исследований. Но вот задача показать чиновника, что называется “без мундира” — его самоощущения, повседневные интересы и даже охарактеризовать “через позиции исследователей восприятие жизненного мира чиновников рядовыми гражданами” (с. 9) — ставится практически впервые.

Эмпирическая база исследования достаточно внушительна². Было подготовлено 150 биографических нарративных интервью с представителями государственной и муниципальной власти — от заместителей губернаторов до специалистов служб и отделов. Из полученных материалов отобраны 44 интервью как

наиболее информативные и адекватные исследовательским задачам. В процессе общения с респондентами изначально задавалась многосторонняя оптика; гайд интервью включало следующие блоки: карьера и образование, события в жизни России; госаппарат и народ, семья, мировоззрение (с. 33–43). Судя по представленным материалам, по всем затронутым темам получены значимые результаты.

Теоретический контекст исследования включает нескольких пропозиций: теория бюрократии М. Вебера в качестве общеметодологической платформы; концепция социального аутопойезиса³ Н. Лумана как механизм самовоспроизводства бюрократии; идеология и практика “нового государственного управления” — модель, рассматриваемая в качестве ориентира реформирования отечественной системы государственного управления; обращение к истории администрирования в стране с целью выявить “архетипы российского чиновничества”. На последнем сюжете имеет смысл остановиться подробнее.

История российского чиновничества — тема, которая давно и прочно закрепилась в нашем интеллектуальном пространстве. В книге проанализированы многие ключевые исторические фреймы, главным образом, из дореволюционной истории. Советская система уп-

равления маркирована лишь известной работой М.С. Восленского “Нomenclатура”.

Между тем сегодня налицо активизация интереса к советскому прошлому, в котором наряду с административно-командной системой [2] была еще борьба с бюрократизмом и коррупцией (пусть методами кампанийщины и популизма — “Если бы директором был я...”). Нельзя не упомянуть и об исследованиях социальной структуры, в которых управленческий аппарат, который, хотя и не рассматривался в качестве особой группы, а был отнесен к работникам умственного труда, даже в таком качестве являлся объектом изучения. Управленцы стали важнейшим предметом исследований, возникших на излете застоя социологии управления и социологии организаций. Последние дисциплины, в том числе и на основе использования биографических материалов стали активно развиваться в период перестройки (см. напр.: [1]). Соответствующие исследования могли бы дать ценный материал для интерпретации полученных данных.

Главным узлом напряжения в книге является дилемма между сложившимся в массовом сознании образом чиновника, их самоописаниями и теоретическим дискурсом. Именно на возникающие здесь вопросы пытаются ответить авторы. Сегодня при слове “чиновник” у рядового гражданина обычно возникают такие ассоциации: включенность в “аппарат” как некую тесно связанную официальными и неофициальными отношениями и закрытую от внешнего мира структуру управления; интеллектуальная ограниченность; отсутствие специфических знаний и умений; некомпетентность в своей зоне ответственности; доступ к общественным благам как функция места, а не собственных профессиональных и личностных качеств; дефицит моральных ограничений, демагогичность, лицемерие, бездушные, формализм, низкий официальный заработок, корруппиро-

ванность, амбициозность, чинопочитание (с. 45). Разумеется, методологически корректно невозможно обобщить эти характеристики до концептуального уровня. Нужна теоретическая программа.

И.А. Шмерлина выделяет три основных подхода к исследованию феномена чиновничества: психологический, исторический, институциональный (с. 46). Первый — при всех открывающихся возможностях построения классификаций — малопродуктивен, поскольку предлагаемые типологии личности, как правило, применимы, к самым разным профессиональным группам. Культурно-исторический подход, связанный с реконструкцией исторической биографии чиновника, позволяет выявить некие устойчивые константы. Но это имеет и свою оборотную сторону, поскольку “многие характеристики чиновничества как профессиональной группы имеют статус универсалий и обнаруживаются в самых разных социальных средах” (там же). Наиболее перспективным — и здесь следует согласиться с автором — представляется третий подход: институциональный. Он, во всяком случае потенциально, предполагает дальнейшую дифференциацию, например, по функционально-ролевым параметрам и т.д.

Обозначенный сюжет в книге не детализирован. Кроме того, отсутствует хотя бы “прикидочное” определение понятия “чиновник”; перечисляются только обязанности госслужащего, содержащиеся в законе, чего недостаточно для социального портрета фигуранта и что снижает эвристическую значимость эмпирического материала. Думается, отсутствие дефиниции в определенной мере обусловлено параллельным существованием в работе двух моделей госслужбы — традиционной (функционально-ролевой) и “нового государственного управления” (государственная и муниципальная служба как набор услуг).

Попытаюсь восполнить пробел:
Государственные (муниципаль-

М. Мануильский
Российский
чиновник
на работе и дома

ные) служащие — социально-профессиональная группа, объединяющая лиц преимущественно с высшим образованием, занимающихся деятельностью, связанной с управлением в различных сферах общественной жизни, то есть с ее планированием, организацией и распределением ресурсов, в системе личностных регулятивов которой (деятельности) преобладает опосредованная (или так называемая отложенная) мотивация, закрепленная (воспроизводимая) в корпоративных нормах и ценностях.

Несколько необходимых, на наш взгляд, пояснений.

- Под “различными сферами общественной жизни” понимается управление определенными социальными институтами — не транспортными предприятиями (там свои управленцы), а транспортной отраслью, не торговыми сетями, а сферой торговли и т.п. Именно в социальных пространствах соответствующих топосов проблемы, требующие решения, приобретают новые смыслы вследствие взаимодействия (столкновения) различных интересов. Для их согласования, в идеале — оптимизации, необходимы особые социальные (управленческие) технологии, граничащие, порой, с искусством. Главным из таких искусств является умение “решать вопросы” — существующим здесь нюансам посвящены многие страницы книги (напр. с. 141 и далее).

- Опосредованная мотивация рассматривается как оппозиция непосредственной мотивации деятельности; последняя включает ряд стимулов: ожидание, что высокие показатели в работе обязательно (или с большой долей вероятности) повлекут рост материального вознаграждения; высокая удовлетворенность трудом; возможность систематически проявлять свои творческие способности и т.п. В опосредованной мотивации эти параметры предстают как потенциальные или реализуемые в долгосрочной перспективе. Так, материальное поощрение

в управленческих структурах госслужбы непосредственно не коррелирует с эффективным решением, предложенным специалистом. Во-первых, потому, что в социальной сфере положительные последствия принятых мер, как правило, проявляются по прошествии определенного времени. Во-вторых, система государственного управления устроена таким образом, что всякое “гениальное” решение (предложение, проект) прежде, чем быть реализовано, должно пройти массу согласований, после чего проблема “авторства” теряет смысл.

- В предлагаемом определении не фигурируют повышенная ответственность и дисциплина, которые имеют место в деятельности чиновника, но не являются специфичными для данной группы; подобные требования предъявляются к представителям и других социально-профессиональных групп, например, военным служащим.

- Дефиниция не содержит еще двух важнейших параметров — описание внешнего вида или, как принято сейчас говорить “дресс-код”; язык, специфику речевого общения чиновника. Особые требования к внешнему виду сотрудников предъявляются во многих профессиональных сообществах, чиновники — не исключение. Более того, здесь также действует закон подражания “законодателем моды” — вышестоящим начальникам. В рассматриваемом случае степень следования образцу более жесткая, с одной стороны, и теснее привязана к местному начальству, с другой.

- Неотъемлемым, системообразующим качеством чиновника (государственного служащего) выступает язык общения, о чем в рецензируемой книге есть специальная глава (Ипатова И.И. «Они — не мы», или оправдание власти в языке и речи»). Наличие профессиональной лексики — обязательное условие существования любого корпоративного сообщества. С этой точки зрения упомянутый параметр не мо-

жет рассматриваться в качестве необходимого и достаточного. В действительности же специфический язык общения является принципиальным условием жизнедеятельности управленческой корпорации. В известном смысле чиновники для того и существуют, чтобы транслировать, разъяснять, доводить до сведения населения указания власти — будь то указы китайского императора или законы, принятые Государственной Думой РФ.

Резюмируя сказанное, отметим: специфический характер мотивации и слагающие ее контексты представляет собой важнейшую интеллектуально-эмоциональную составляющую “Я-концепции” чиновника.

Представим еще несколько зафиксированных исследователями жизненных установок респондентов.

Подавляющее большинство опрошенных считают несправедливым существующий в массовом сознании образ чиновника, ощущают себя “коллективной жертвой несправедливости”. Весьма болезненно воспринимается критика властных структур либеральной интеллигенцией: она рассматривается в качестве “непослушного и неблагодарного” ребенка. По мнению интервьюируемых, имеющие место в чиновничьей среде негативные явления преувеличиваются, гипертрофируются, а их повседневная непростая работа — недооценивается.

Вероятность коррупции опрашиваемые не отрицают, но подчеркивают, что лично не сталкивались с подобными фактами. Многие отдают себе отчет: уважение к должности в служебных кабинетах выше уважения к личности. Это в минусах. В “положительном балансе”: недооцениваемая населением работа на будущее, работа на общественное благо как главная цель.

Одной из важных ценностей в глазах чиновников является самоотречение. Мысль об избранности касты чиновников, способных принести большие жертвы ради общего блага не всплывала ни в одном ин-

тервью, но именно такой абрис пронизывал многие беседы. Не менее важную роль играет идея ответственности и... сопутствующий ей страх совершить ошибку, которая может повлиять на работу вышестоящих и нижестоящих товарищей. Наконец, важным моментом самоидентификации является чувство обособленности от остального населения, перерастающее в ощущение отверженности.

В интервью неоднократно звучала мысль, что чиновник должен быть вне политики и не руководствоваться политическими пристрастиями и антипатиями. Думается, подобная аполитичность — следствие не столько осознанного выбора, сколько широко распространенных в корпоративной среде патерналистских настроений, о чем неоднократно говорилось в книге.

В “отчетах” присутствуют многочисленные сюжеты, затрагивающие морально-нравственные аспекты аппаратной жизни. Однако респонденты тщательно обходят стороной то обстоятельство, что эти проблемы представляют собой элемент особого института — профессиональной (корпоративной) этики. Последняя — одна из обсуждаемых сегодня тем, причем на самом высоком уровне.

ЛИСТАЯ НОВЫЕ СТРАНИЦЫ

Из недавнего. В ходе ежегодного интервью 15 декабря 2015 года В. Путин посоветовал военнослужащим, когда они поднимают тост за Верховного главнокомандующего: “Не частить”⁴. Корпоративное нормотворчество уже давно поставлено на поток. Кодексы профессиональной этики приняты во многих ведомствах — в Министерстве внутренних дел, Прокуратуре РФ, Федеральной антимонопольной службе и т.д. Опрашиваемые не могли этого не знать. Видимо, пока преобладает настороженное отношение к данному феномену.

В работе достаточно подробно представлена внеслужебное жизненное пространство респондентов: взаимоотношения в семье, дом (жилище) как приватная сфера, свободное время и отдых, знания и самообразование, вера и религиозность, привычки и предпочтения. Во многих случаях они рассматриваются в двух планах — реальность и мечта. Вместе с тем обращает на себя внимание, что в подобных описаниях практически не присутствуют сюжеты из жизни закрытых, мафиозно-коррупционных кланов (семей), столь детально проработанных в кино и литературе. Возможно, респонденты уклонялись от разговоров на столь деликатные темы. Впрочем, судя по описанию инструментария, задавать соответствующие лобовые вопросы не предполагалось. Рискну предположить, что подобную информацию удалось бы получить, анализируя жизненный путь информантов. В книге достаточно подробно анализируется только один из его сегментов — карьерный рост.

Саморепрезентации чиновников Д.М. Рогозин обобщил в схеме “Структура дискурса о коррупции” (с. 190). Матрица разделена на четыре квадрата: по горизонтали — на “свое” — “чужое”, по вертикали — на “хорошее” — “плохое”. В поле

“свое” — “хорошее” значится пункт “решать вопросы”; в поле “свое” — “плохое” — “тотальность подотчетности”. Поле “хорошее” — “чужое” весьма красноречиво осталось незаполненным; видимо за пределами корпоративного круга чиновники ничего положительного не видят (“все зло вовне” — так маркировано правое нижнее поле).

Я рассматриваю предложенную модель как матрицу, представляющую корпоративное сознание, и назвал бы ее “корпоративный синдром”: по аналогии с консервативным синдромом, но не в смысле характеристики части властной элиты начала 90-х — “агрессивно-послушное большинство” (Ю. Афанасьев). В любой государственной машине заложены “охранительные” функции, даже если она проводит реформы. Схема наглядно демонстрирует основную модальность бюрократической системы — замкнутость на себя, на самовоспроизводство.

Однако не хотелось бы заканчивать рецензию на пессимистической ноте. В целом авторам удалось “показать возможность коммуникации вне критических лозунгов и призывов; обнаружить в собеседниках, занимающих иные по отношению к обществу большинство позиции в социальной стратификации, человеческие черты, способность к пониманию не свойственных им ценностей” (с. 9–10).

© 2016 М.А. МАНУИЛЬСКИЙ,
кандидат философских наук

Литература

1. Мануильский М.А., Соколова И.Ф. Как стать министром (должностное продвижение управленческих кадров) // Социологические исследования. 1988. № 1.
2. Попов Г.Х. С точки зрения экономиста. 1987. № 4.

⁴ Видимо, тема корпоративных застолий архетипична для России. В анналы истории вошел следующий анекдотический случай. Престарелый киевский генерал-губернатор по причине умственной дряхлости забыл во время поздравить Александра III с очередным днем рождения и послал следующую телеграмму: “Третий день пьем здоровье Вашего Величества!”. Император ответил: “Пора бы и прекратить”. Сегодня, как видим, посыл остался прежним, категоричности поубавилось — все же не времена самодержавия.